

Деятельность Переселенческого управления накануне и в период революционных событий 1917 г.

Анна Сергеевна Заколотная,

младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: zakolodnay@mail.ru

В статье на основе архивных материалов рассматриваются основные направления работы Переселенческого управления на Дальнем Востоке России накануне и в период революционных событий 1917 г. Показано, что с началом Первой мировой войны сфера деятельности данного управления расширилась, при этом объём привычных работ, связанных непосредственно с переселением, сократился. С 1915 г. ведомство начало заниматься организацией и обслуживанием перевозок военнопленных и возвращавшихся с войны больных и раненых солдат, эвакуацией из Сибири в Европейскую Россию семей переселенцев, оставшихся без кормильцев, оказанием помощи беженцам и семьям, в которых были призваны на военную службу. Оно принимало меры по предотвращению сокращения посевной площади за Уралом, организовывало вербовку и перевозку с Дальнего Востока на запад России партий китайских и корейских рабочих, занималось борьбой с эпидемиями и др. Особое внимание уделено рассмотрению деятельности в 1917 г. Организации сельскохозяйственных складов и товаро-продовольственных лавок Переселенческого управления. Переселенческие склады к 1917 г. остались фактически единственными, кто снабжал население сельскохозяйственной техникой. Их работа в тот год нередко осложнялась вмешательством различных общественных объединений, что приводило как к срыву поставок необходимых крестьянам товаров, так и к значительным финансовым потерям самой организации.

Ключевые слова: Переселенческое управление, Организация сельскохозяйственных складов и товаро-продовольственных лавок, Первая мировая война, революция, 1917 год, российский Дальний Восток.

The activity of the Resettlement Department before and during the revolutionary events of 1917.

Anna Zakolodnaja, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: zakolodnay@mail.ru.

Based on the archive materials, the article describes the main activities of the Resettlement Department in the Far East of Russia before and during the

revolutionary events of 1917. It is shown that with the beginning of the First World War, the sphere of activity of the Resettlement Department expanded while the volume of usual works associated directly with the resettlement reduced. From 1915, the department began to organize and to serve the transportation of prisoners of war and sick and wounded soldiers returning from the war, to evacuate families of settlers who were left without breadwinners from Siberia to European Russia, to render assistance to families called up for a military service and refugees. It took measures to prevent reduction of cultivated land beyond the Urals, organized the recruitment and transportation of the groups of Chinese and Korean workers from the Far East to the west of Russia, fought against epidemics, etc. Special attention is paid to consideration of activities of the Organization of agricultural storages and commodity stores of the Resettlement Department in 1917. By 1917, the Resettlement storehouses had virtually become the only organization supplying the population with agricultural equipment. During this year, the work of the Resettlement storages was often complicated by interference of various public organizations in their activity which led to the disruption in the supply of goods necessary for peasants as well as to significant financial losses for the organization.

Keywords: Resettlement Department, Organization of agricultural storages and commodity stores, First World War, Revolution, 1917, Russian Far East.

В настоящее время исследований по данной тематике практически нет. Единственной, вероятно, является работа Д.Н. Белянина, в которой автор обратился к изучению деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны [1]. Цель нашей статьи — рассмотреть основные направления работы Переселенческого управления накануне и в период революционных событий 1917 г., при этом уделив особое внимание Организации сельскохозяйственных складов и товаро-продовольственных лавок, игравшей важную роль в обеспечении крестьянского населения необходимой сельскохозяйственной техникой и товарами.

Начавшаяся Первая мировая война внесла значительные коррективы в деятельность Переселенческого управления. Первые изменения носили финансовый характер. Государство, вынужденное экономить средства, урезало бюджеты многих ведомств. В конце июля была пересмотрена «Государственная роспись расходов на 1914 год», чтобы максимально увеличить ресурсы казны на содержание и снабжение армии и флота. Бюджет Переселенческого управления также сокращался. Главное управление землеустройства и земледелия разослало циркуляр для заведующих переселенческими районами, в котором предлагалось уменьшить статьи расходов, а все высвобожденные таким образом средства вернуть в казну. По предварительным расчётам, сокращение по смете Переселенческого управления на 1914 г. должно было составить 3 533 054 руб. [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1670. Л. 14, 45].

Однако для Переселенческого управления сокращение финансирования было не единственным негативным последствием участия России в Первой мировой войне. В 1914—1915 гг. ведомству пришлось полностью перестроить свою деятельность. Начиная с 1915 г. оно отвечало за организацию и обслуживание перевозок военнопленных и возвращавшихся с войны больных и раненых солдат, эвакуацию из Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть России семей переселенцев, оставшихся без кормильцев, а также оказывало помощь беженцам и семьям, в которых были призывники на военную службу. Ведомство принимало меры, направленные на сохранение посевной площади за Уралом, организовывало подбор и доставку партий китайских и корейских рабочих с Дальнего Востока на запад России, участвовало в заготовке продовольствия и фуража для армии и др. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 3 об.]. Учитывая всю важность данной деятельности, финансирование управления на 1915 г. оставили без изменений, в соответствии с разработанной сметой в размере более чем 27 млн руб. [2, с. 1].

В конце 1915 г. был подготовлен план работ Переселенческого управления на 1916 г. Как и ранее, главным ведомство считало всестороннее улучшение условий хозяйственного устройства переселенцев. В 1916 г. предполагалось заниматься оказанием населению культурно-хозяйственной помощи и участвовать в деле призрения сирот погибших на войне переселенцев, выделять ссуды на сельскохозяйственные, домообзаводственные и общепользные нужды [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 104. Л. 16—17]. Ведомством также было принято решение провести межевые, гидротехнические и дорожные работы по подготовке земельного фонда для возможного после окончания войны переселенческого движения [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 104. Л. 15].

Однако не всё задуманное удалось воплотить в жизнь. В 1916 г. финансирование Переселенческого управления сократилось на 5,5 млн — до 21,5 млн руб. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 3 об.]. Из-за недостатка средств от ряда запланированных работ пришлось отказаться. Например, было решено на время отложить переселение вдоль Амурской железной дороги в Амурской области [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 104. Л. 18].

Со второй половины июля 1915 г. ведомство стало перевозить беженцев, на оказание им помощи переориентировали остановочные и врачебно-питательные пункты. Работа с беженцами значительно отличалась от привычной и во многом уже отлаженной деятельности по организации переселенческого движения. Управление не могло составить даже приблизительного плана действий, т.к. движение беженцев имело стихийный характер. Если в Европейской России ведомству значительную помощь оказывали различные правительственные и общественные объединения, то в Сибири и на Дальнем Востоке оно могло рассчитывать главным образом только на свои силы. Количество беженцев начало резко расти с 22 ав-

густа 1915 г. Большинство из них оседало в городах Сибири. В 1915 г. на Дальний Восток прибыли 8560 чел. [2, с. 11]. В 1916 г. из-за стабилизации военной обстановки и прекращения продвижения армий противника вглубь государства число беженцев значительно сократилось. Так, в конце 1915 г. ведомство занималось организацией приемлемых условий перевозок беженцев, а в 1916 г. — их устройством и обеспечением работой [РГИА Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 8].

С 1915 г. количество переселенцев, следовавших на восток страны, резко сократилось. По сравнению с предыдущим годом оно снизилось на 300 тыс. чел., составив всего 30 тыс. чел. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 110. Л. 1] или, по другим данным, 28 185 чел., только 8,4% движения предшествующего года [2, с. 2]. Это произошло из-за вступления России в войну и последующей мобилизации значительной части мужчин, отмены ряда ранее существовавших льгот (выдачи ходаческих, проходных и льготных проездных свидетельств), из-за возникших трудностей с проездом по железной дороге и общего ухудшения экономической обстановки. Многие крестьяне, зачислившие за собой земельные участки ещё до начала военных действий, откладывали переезд до наступления мира. Одновременно наблюдалось снижение количества зачислений и водворений на всех переселенческих участках, на Дальнем Востоке спад являлся наибольшим. Если в 1914 г. в Амурской области было зачислено 23 735 душевых долей, а в Приморской — 22 886, то в 1915 г. — 5614 и 3164 соответственно [2, с. 21].

В 1916 г. на восток страны проследовало 11 329 чел., там водворилось 7422 семьи (около 42 тыс. чел.), зачислили за собой землю 8508 семей (около 50 тыс. чел.) [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 20, 30]. Эти цифры были значительно ниже, чем в предыдущие годы. По сравнению с 1915 г. в 1916 г. количество водворившихся уменьшилось в 2,5 раза, а зачисливших за собой землю — в 2 раза. В 1916 г. в Приморском районе водворились 352 семьи (685 душ мужского пола), а зачислили за собой землю 284 семьи (533 души мужского пола), в Амурском — 430 (1097 душ мужского пола) и 385 (1040 душ мужского пола) соответственно [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 35 об—36].

Уполномоченный Министерства земледелия в Амурской области Н. Шуман и Временный заведующий Амурским переселенческим районом В. Рубинский в подготовленной ими объяснительной записке утверждали: Первая мировая, «несомненно, сыграет огромную роль в деле колонизации» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 87. Л. 8]. Одним из последствий войны будет разорение наиболее экономически слабых крестьянских хозяйств в Европейской России, что заставит их искать выхода из ситуации в переселении. Запас свободных удобных земель в Сибири исчерпан, там предлагаются в основном таёжные участки, расположенные вдали от культурных центров и железной дороги. Всё это делает Амурскую область более

привлекательной для переселенцев, т.к. «трудности устройства хозяйства в ней компенсируются в значительной степени расположением участков вблизи железной дороги» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 87. Л. 9]. Авторы записки предполагали, что с окончанием войны в область направится большое количество переселенцев. Но этого не произошло: в 1917 г. военные действия продолжились. За 9 месяцев 1917 г. в Амурскую область переселилось лишь 43 семьи (165 чел.) [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 868. Л. 6—39].

В 1915 г. обратное движение также значительно сократилось и составило всего 7175 чел. [2, с. 3]. Из них только 227 прибыли в 1915 г., остальные приехали в Сибирь и на Дальний Восток в предыдущие годы. В 1916 г. число уезжающих назад переселенцев выросло до 11 974 душ мужского пола, составив 58% по отношению к прибывшим [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 33]. Многие не смогли устроиться на новом месте из-за призыва в армию мужчин: семьи возвращались, рассчитывая переждать войну в привычных условиях и с помощью родственников. Наибольший процент обратных переселенцев дали Приморский (20,5%), Томский (20,3%) и Амурский (18,2%) районы [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 21]. Из Приморского уехало обратно 484 семьи (1286 душ мужского пола), из Амурского — 431 семья (1200 душ мужского пола) [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 34 об.—35].

Мобилизация сильных, дееспособных мужчин, которая оставляла ещё не окрепшие, слабые хозяйства без рабочих рук, была основной причиной роста количества возвратившихся. В 1917 г. добавилась ещё одна: крестьяне начали уезжать в Европейскую Россию в надежде получить там землю. К маю 1917 г. Амурскую область покинуло более 10 семей именно из-за этого. Так, 3 мая 1917 г. А. Кошевой с семьёй из 7 чел. отправился обратно в Полтавскую губернию: он был уверен, «что отберут землю у помещиков», и спешил к разделу. А. Бойко решил вернуться в Киевскую губернию, т.к. «священник во время присяги Временному Правительству советовал ехать на родину — получать княжеские земли». Отмечено два случая отъезда после получения писем от призванного на войну члена семьи, в которых содержался призыв отправляться «в Европейскую Россию, чтобы не опоздать к разделу земли» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 727. Л. 7—7 об., 14—14 об.]. На Дальнем Востоке крестьяне оставляли «налаженные уже хозяйства в расчёте на немедленный раздел земель на родине». Заведующий поселенческим делом в Восточном районе Г.П. Иорданский опасался возможного массового ухода переселенцев из Сибири, т.к. это могло негативно сказаться на экономике страны. С одной стороны, оставленные крестьянами земли не будут засеяны, а с другой — «прибывшие в Европейскую Россию переселенцы осложнят аграрные отношения переходного периода и увеличат собою число потребителей хлеба, перестав быть его производителями», а также «обременят и без того

разстроенный транспорт» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 727. Л. 7 об.—8, 14 об.—15]. Министерство земледелия, обеспокоенное данной тенденцией, обратилось к губернским, областным, уездным и волостным исполнительным и земельным комитетам, комиссарам Временного правительства, заведующим переселением и передвижением переселенцев и начальникам управлений земледелия в пределах Азиатской России с просьбой «употребить весь их авторитет и влияние на удержание переселенцев от столь необдуманного и вредного шага, как обратное переселение на родину именно в настоящее время» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 800. Л. 37]. Министерство также поддержало выпущенное Семипалатинским областным исполнительным комитетом воззвание, в котором утверждалось: «ранее успешного окончания войны с немцами, возвращения домой всех граждан, находящихся в Фронте, и ранее издания новых законов о земле Учредительным Собранием, никаких наделений землёю нигде быть не может». Крестьян призывали «оставаться на своих насиженных местах, не разорять понапрасну своих хозяйств и не мешать своими бесполезными передвижениями столь нужной в настоящее время работе перегруженных железных дорог и водных путей» [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 727. Л. 17].

Переселенческое управление продолжало содействовать прочному устройству переселенцев на новых местах. Из-за призыва в войска запасных в крайне стеснённом положении оказались и старожильческие, и новосельческие семьи, о чём свидетельствуют обращения к властям с просьбой освободить от мобилизации [3, с. 85]. Ведомство разработало меры оказания помощи населению. Чиновники управления привлекли к полевым работам арестантов, солдат местных гарнизонов, беженцев, китайцев и корейцев. Нуждающиеся семьи, из которых на войну призвали всех взрослых работников, получили дополнительные ссуды. В 1915 г. в Приморской области 309 нуждающимся были предоставлены ссуды на обработку, засев полей и уборку урожая общей суммой в 19 756 руб. [2, с. 38—39].

Особое внимание Переселенческое управление уделяло разработке и реализации мер, направленных на сохранение размеров посевных площадей, сокращение которых в хозяйствах переселенцев произошло из-за призыва трудоспособного мужского населения в армию. Так, в одном из отчётов ведомства сообщалось, что «повторные мобилизации более чем наполовину исчерпали в сибирской деревне мужской и притом трудовой элемент» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 8]. Для компенсации недостатка рабочих рук в 1916 г. управление через сельскохозяйственные склады (далее — с/х склады) предоставляло крестьянам на льготных условиях и даже бесплатно сельскохозяйственную технику. Принятые меры оказались успешными, благодаря им сокращение размеров посевных площадей было минимальным, а население смогло вовремя завершить уборку урожая.

Ведомство делало всё, чтобы максимально снизить сроки доставки необходимых товаров. Так, переселенческие пункты должны были следить за своевременным следованием земледельческих машин, шпата, удобрений и других сельскохозяйственных грузов, отправляемых уполномоченным Департамента земледелия из Владивостока. За каждым таким грузом наблюдали переселенческие агенты. Если он не прибывал вовремя на регистрационный пункт, они отправляли розыскные депеши, принимали меры по ускорению задерживающихся вагонов, вплоть до личного выезда и поиска груза на путях станции. Благодаря такому подходу «грузы Департамента Земледелия следовали гораздо скорее не только частных грузов, но и большинства казённых и даже воинских» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 28].

Несмотря на всю важность переселенческих с/х складов, часть из них была закрыта из-за призыва значительной части сотрудников (около 40%). Если в 1915 г. работало 240 складов, то в 1916 г. — всего 131. В Амурской области действовало 7 складов, Приморской — 11, Сахалинской — 1 [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 10 об.]. К 1917 г. в Приморской области осталось 9 складов: их сохранили Владивосток, пост Св. Ольга, Никольск-Уссурийск, Черниговка, Спасское, Лутковка, Иман, Хабаровск и Анучино [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 270—271].

До начала 1914 г. с/х склады и товаро-продовольственные лавки (далее — т/п лавки) Переселенческого Управления на Дальнем Востоке получали товары и сельскохозяйственный инвентарь из Главной конторы, расположенной в Омске. Большинство товаров производилось в России, за границей закупались только уборочные сельскохозяйственные машины, поступавшие во Владивосток [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 64]. снабжение местных складов отечественными товарами в нормальном режиме существовало до 1917 г. Со второй половины 1917 г. из-за нарушения транспортного сообщения Главная контора прекратила отправлять товары в Амурский и Приморский районы. В силу этих обстоятельств местной конторе пришлось самостоятельно заказывать товары, необходимые для населения Амурской и Приморской областей [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 64 об.].

В докладе, подготовленном временно исполняющим обязанности заведующего с/х складами и т/п лавками, сообщалось, что в 1917 г. «население (Приморской. — *Прим. авт.*) области было снабжено машинами и орудиями полностью». К 1918 г. на складах (Приморской. — *Прим. авт.*) области сохранялся определённый запас сельскохозяйственной техники: пахотных орудий (260 шт.), сеялок (23 шт.), уборочных машин (73 шт.), зерноочистительных машин (29 шт.), молотилок (21 шт.) и другого мелкого инвентаря на общую сумму 226 368 руб. 67 коп. [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 272]. Стоит отметить, что в случае приобретения крестьянином сложной сельскохозяйственной техники её установка на местах

производилась бесплатно, покупатель также получал инструкции по уходу за ней. Все товары со складов (за исключением запасных частей) продавались за наличные и в кредит. Значительная часть сельского населения брала товары в кредит. На 1 января 1917 г. задолженность крестьян составляла 151 999 руб. 74 коп., к концу года она несколько снизилась: до 146 296 руб. 97 коп. [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 286 об.]. Такое слабое сокращение объясняется тяжёлым экономическим положением населения, вызванным военными событиями. При этом в 1917 г. благосостояние крестьян несколько улучшилось из-за резкого роста цен на продукты питания. Так, если в конце 1916 г. за пшеницу давали 1 руб. 90 коп. — 2 руб., кукурузу — 95 коп. — 1 руб. 5 коп., овёс — 1 руб. 30 коп. — 1 руб. 45 коп., гречиху — 1 руб. — 1 руб. 10 коп., то к декабрю 1917 г. их стоимость увеличилась в разы: пшеница стала стоить 10—12 руб., кукуруза — 5—6 руб., гречиха — 4—6 руб. [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 287]. Склады также снабжали население семенным материалом. В 1916 г. на эти цели в Приморской области было затрачено около 2,5 млн руб. В 1917 г. обороты складов составили 547 378 руб. 77 коп. [РГИА ДВ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 284 об.].

К 1917 г. в Приморской области действовало 15 т/п лавок: в Ново-Курской, Святогорье (оба пункта в Хабаровском уезде), в Хабаровске, сёлах Капитоновка, Федосеевка, Тихоново, Ореховка, Саровка, посёлках Иман, Зеньковка, Лутковка, Крыловка, Никольск-Уссурийск и посту Св. Ольга. [РГИА ДВ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 278]. Если до войны основная масса товара приходила в лавки из Европейской России, то теперь такие поставки прекратились. Районная контора стала размещать заказы за границей и производить оптовые закупки зимней одежды непосредственно в Приморской области. С конца 1916 г. для последующей перепродажи населению эта контора изготавливала крестьянскую обувь, одежду, бельё, перерабатывала гречиху и просо, производила муку из пшеницы, ярицы и кукурузы [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 278—279]. Общая стоимость товаров в т/п лавках Приморской области к 1 ноября 1917 г. составляла 866 893 руб. Товарооборот в 1917 г. вырос по сравнению с 1916 г. на 924 608 руб. и стал равен 1 188 637 руб. Такое значительное увеличение обусловили как высокая стоимость товаров, так и оптовые поставки для сельских обществ потребителей, которые ранее не сотрудничали с т/п лавками Переселенческого управления.

В отчёте заведующего с/х складами и т/п лавками управления А.В. Голованова указывалось: «Деятельность организации с.х. складов и т.пр. лавок Приморского района в 1917 году протекала при сравнительно нормальном экономическом благосостоянии населения области, считая, конечно, обеспеченность вытекающей из общего обеспечения населения домообзаводством и продовольствием, а главным образом благополучно миновавшими весной и летом, вполне благоприятных для всех отраслей сельского

хозяйства, а в особенности этот год был необычайно удачным для пчеловодства и льноводства» [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 281]. Кроме этого были получены высокие урожаи овса и гречихи, но из-за значительного сокращения посевов пшеницы в области наблюдался недостаток хлеба, особенно тяжёлая ситуация сложилась в Иманском и Хабаровском уездах.

В 1917 г. работу складов и лавок осложнило вмешательство в их деятельность различных структур и учреждений, в результате которого нередко склады несли значительные убытки. Иманский продовольственный комитет принял решение о бесплатной раздаче населению жаток-самосбросок, приобретённых Организацией сельскохозяйственных складов на средства Министерства земледелия. При этом больше половины машин стоимостью около 1000 руб. население не разобрало, и «в некоторых пунктах, как, например в с. Зеньковке, машины... валялись и прямо утонули в грязи до глубокой осени» [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 281 об.]. 30 000 руб. составили убытки от бесплатной раздачи крестьянам хлеба, только на одном из складов роздали семенной и продовольственный хлеб в ссуду на сумму 14 896 руб. 85 коп., при этом все операции проводились без необходимого документального оформления, что фактически означало: ссуды не будут возвращены. Результатом полученной сельским населением полной свободы действий был «делёж народного достояния». Принимаемые решения носили ещё и непоследовательный характер. Например, общее собрание Черниговского общества первоначально постановило продать продовольственный хлеб этого районного кредитного товарищества, а после того как половина имевшейся на складе муки была реализована, приняло решение остальное отдать бесплатно. Крестьянам, ранее купившим муку, «показалось обидно», поэтому третье общее собрание Черниговского общества «постановило вырученные первоначально от продажи муки деньги выдать обратно уплатившим». В отдельных случаях заведующим складами не разрешалось продавать населению ту или иную сельскохозяйственную технику. Например, Никольск-Уссурийский продовольственный комитет наложил такой запрет на продажу зерносушилки, утверждая, что она будет необходима самой организации. Однако техника так и осталась невостребованной на складе. Заведующий с/х складами и т/п лавками описывал сложившуюся ситуацию следующим образом: из-за «отсутствия в области центрального руководящего органа — умелой и твёрдой руки — направлявшего экономическую жизнь края, население понесло громадные убытки на переплате за несвоевременно доставленное из Маньчжурии зерно, и в то же время имевшиеся запасы рвались в клочья, бери тащи — тащи бери...» [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 282].

Несмотря на названные трудности, Организация с/х складов и т/п лавок старалась выполнять возложенные на неё функции. К 1917 г. торговля сельскохозяйственной техникой осуществлялась фактически только

с/х складами. Частные сельскохозяйственные склады торговых домов «Чурин и К^о», «Кунст и Альберс», «Международной Компании» распродавали последние остатки товаров, полученных ещё в 1913—1914 гг. В с/х складах Переселенческого управления население могло приобрести различные пахотные орудия (плуги, сеялки, бороны), уборочные (жатки-самосброски, сноповязалки, сенокосилки, грабли конные) и молотильные машины. При этом значительное количество реализуемой пахотной сельскохозяйственной техники было представлено устаревшими моделями. На сепараторы, конные сенные прессы, разбросные сеялки, а также на инвентарь, необходимый для производства молочных продуктов, спрос превышал предложение, поэтому отдельные хозяева не смогли их приобрести. Всё же бóльшая часть сельскохозяйственной техники и инвентаря присутствовала на складах в достаточном количестве. Чтобы иметь возможность и в дальнейшем снабжать население техникой, Организация с/х складов сделала ряд заказов в «союзные страны с более развитой промышленностью и менее пострадавших от тяготы ведения великой войны». Полная уверенность, что эти заказы будут выполнены, отсутствовала. Так, заведующий с/х складами А.В. Голованов сообщал: «вследствие октябрьского переворота (захват власти большевиками и явно наступившей анархии во всём Отечестве) основные заказы Главной Конторы по сметам на 1918 г. на уборочные машины и плуги „Дира“... Американским правительством аннулированы, или машины задержаны в пути...» [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 293 об.]. Параллельно Организация с/х складов считала возможным открытие производства мелкого сельскохозяйственного инвентаря на базе мастерских Владивостокского порта, Хабаровского арсенала или других предприятий и предпринимала для этого различные меры.

Значительные трудности возникли у населения с приобретением запасных частей. На с/х складах в достаточном количестве имелись только запасные части к продаваемым уборочным машинам завода «Массей Гаррис». Детали для техники, произведённой другими заводами, отсутствовали полностью [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 293]. Ранее торговавшие данной техникой и запасными частями к ней частные с/х склады фирм «Чурин и К^о», «Кунст и Альберс» прекратили их закупку и реализацию в 1916 г. Поставленное в сложную ситуацию население вынуждено было приобретать похожие, а не оригинальные запасные детали. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, заведующий с/х складами и т/п лавками А.В. Голованов предоставил механической мастерской Департамента земледелия ссуду в размере 5000 руб. Это позволило мастерским, с одной стороны, начать производство запасных частей, а с другой — ремонтировать технику по льготным для населения ценам [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 283 об.]. В 1917 г., чтобы выяснить, какова потребность людей в ремонте техники, в уезды направили монтеров, а также выслали запросы

в 73 кредитных товарищества и 4 сельскохозяйственных общества, но к 17 мая поступило только 9 ответов. В Никольск-Уссурийском уезде обследовали 13 волостей, в Иманском — 6, Ольгинском — 12, а всего было изучено 3276 хозяйств [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 290—290 об.]. В результате оказалось, что в названных уездах ремонт (главным образом замена старых частей на новые) требовался 34% техники. В нём нуждались машины, срок службы которых превышал семь лет, значительная же их часть использовалась 3—4 года и менее. Населению области больше требовались специалисты, имеющие навыки работы с техникой, т.к. многие поломки происходили из-за неумелого обращения, нарушения правил эксплуатации и хранения. Нередко вместо смазки крестьяне использовали не масло, а нефтяные остатки, сами же машины весь год находились на открытом воздухе во дворах и не убирались в подсобные помещения [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 292].

Не хватало на местном рынке и специального смазочного масла (олеонафта), крестьяне вынуждены были заменять его цилиндровым маслом и даже салом, что зачастую приводило к преждевременному износу валов, подшипников и других трущихся частей в машинах и, соответственно, их поломке, невозможности использования [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 284]. На поставку олеонафта с/х склады сделали предварительный заказ Главной конторе, которая дала распоряжение Барнаульскому складу об его отправке. Но в Приморскую область олеонафт так и не поступил. А.В. Голованов предполагал, что это произошло из-за вмешательства в деятельность с/х складов Алтайской губернии продкомов, не разрешивших отправку. В отдельных случаях местные органы запрещали те или иные проекты без объяснения причин. Так, на базе Черниговского с/х склада планировалось открыть крупорушку для изготовления гречневой крупы. Главная контора выделила средства, а Черниговское сельское общество поддержало это предложение, приняв постановление «о желательности сооружения крупорушки и мельницы». Однако Приморский областной продовольственный комитет запретил строительство, причём об этом заведующий складами узнал только частным путём, на направленное официальное представление ответа он так и не получил. А.В. Голованов полагал, что открытие данного предприятия «дало бы работу десятку тружеников... явилось бы регулятором разценки на гречневую крупу и на стоимость разценки крестьянского размола, оживив к тому же зыбкую жизнь села» [РГИА ДВ. Ф 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 285].

Вмешательство общественных организаций приводило к разрушению сложившейся системы. Ранее Главная контора равномерно распределяла товары через казённые с/х склады и т/п лавки в зависимости от потребностей населения в тех или иных районах. Нарушение транспортного сообщения, а также наметившаяся в 1917 г. автономизация областей и губерний, нередко выражавшиеся в наложении местными организациями

запретов на вывоз товаров в другие регионы, отрицательно сказывались на крестьянах, вынужденных нести убытки из-за невозможности приобрести необходимую технику, смазочные материалы или другие товары, а также на планомерной работе складов.

Таким образом, под влиянием событий военного времени функции Переселенческого управления значительно увелились, при этом объём его привычной деятельности сократился до весьма скромных размеров. Важнейшую роль в решении вопросов оказания помощи населению играла Организация с/х складов и т/п лавок. Благодаря этому структурному подразделению крестьянские семьи имели возможность получить необходимые товары и сельскохозяйственную технику, использование которой позволяло компенсировать недостаток рабочих рук.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белянин Д.Н. Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914—1916 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 4/4. С. 15—22.
2. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Петроград: Типография М.П. Фроловой (влад. А.Э. Коллинс), 1916. 400 с.
3. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 280 с.
4. РГИА (Рос. гос. ист. арх.).
5. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Beljanin D.N. Osnovnye napravlenija dejatel'nosti pereselencheskih organizacij Zapadnoj Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny (1914—1916 gg.) [Main areas of activity of resettlement organisations of Western Siberia during the First World War (1914—1916)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija* [Bulletin of Altai State University. Series: History, Political Science]. 2009, no. 4/4, pp. 15—22. (In Russ.)
2. *Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1915 g.* [Resettlement and land development beyond the Urals in 1915]. Petrograd, Tipografija M.P. Frolovoj (vlad. A. Je. Kollins) Publ., 1916, 400 p. (In Russ.)
3. *Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoj mirovoj vojny: shtrihi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy* [Priamur governor-generalship during the First World War: features of time, voices of contemporaries. Documents and materials]. Vladivostok, RGIA DV Publ., 2014, 280 p. (In Russ.)